

Μετάθεσις как прием анализа литературного произведения у Дионисия Галикарнасского

Дионисий Галикарнасский, писатель I века до н.э., известен нам не только как автор многотомного исторического труда «Римские древности», но и как теоретик красноречия и выдающийся литературный критик. В сочинении «О древних ораторах», трактате «О соединении слов» и в письмах к друзьям Дионисий разрабатывает некоторые вопросы красноречия, подробно анализирует речи Лисия, Исократа, Демосфена, Исея и Динарха, истории Геродота и Фукидида, поэзию Гомера. Считается, что именно Дионисий в несохранившемся трактате «О подражании» в законченном виде сформулировал необходимость имитации древних авторов не только в учебных целях, но и для совершенствования собственного стиля. В своих сочинениях Дионисий не ограничивается тем, что оценивает стиль того или иного автора, но применяет стилистический критерий для атрибуции текстов.

Дионисий Галикарнасский часто включается в компендиумы, посвященные античной литературной критике (например, «The Cambridge history of literary criticism», 1989; «Ancient literary criticism», 2006), а его риторические работы, так называемые „малые сочинения“, рассматриваются в одном ряду с такими ключевыми для античного ораторского искусства текстами, как «De Oratore» Цицерона, «Ars Poetica» Горация или «Institutio Oratoria» Квинтилиана. Этот аспект деятельности Дионисия в последнее время вызывает большой исследовательский интерес, о чем свидетельствует, например, опубликованная в 2008 году монография голландского ученого Casper C. de Jonge «Between Grammar and Rhetoric: Dionysius of Halicarnassus on Language, Linguistics and Literature», а также коллективная работа «Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship» 2015 года, где Дионисию посвящена отдельная статья. Большое внимание уделяется также источникам, которыми пользовался Дионисий, в частности, например, были проанализированы соответствующие параллельные места к схолиями Гомера (Giovanna Calvani Mariotti, 1997) и Фукидида (Casper C. de Jonge, 2019). Из наиболее известных отечественных работ отметим перевод трактата «О соединении слов» в издании «Античные риторики» 1978 года под редакцией А.А. Тахо-Годи, а из недавних – переводы эссе о Фукидиде и второго письма к Аммею, выполненные И.П. Рушкиным (журнал «Аристей», 2014).

В настоящем докладе хотелось бы обратить внимание на деятельность Дионисия как литературного критика и рассмотреть один из приемов анализа текста, которым он активно пользуется в своих работах, а именно, прием *metathesis*. В рамках доклада наиболее важным представляется ответить на следующие вопросы: какую роль *metathesis* играет в литературной критике Дионисия; можно ли на основании применения приема *metathesis* выделить критерии, которыми руководствуется Дионисий в своих литературных оценках.

Суть приема *metathesis* (букв. значит «перестановка», «переложение») заключается, как уже понятно из перевода, в переписывании, переименовании исходного текста. Об этом приеме писали многие античные грамматиканы, кроме того, примеры с *metathesis* встречаются у многих авторов: так, к одному из ранних примеров с *metathesis* относят место из диалога «Федр» (264d), где Сократ говорит о важности для литературного произведения стройной композиции и приводит в качестве примера неудачного построения текста надпись Мидаса, где строки можно легко переставить местами без особенного ущерба для смысла.

Переписывание исходного текста как прием, позволяющий выявить достоинства и недостатки оригинала, часто использовался и в риторике (Цицерон, Квинтилиан, Деметрий, Лонгин). Например, у Деметрия («О стиле», 28) сначала приводится оригинальная фраза из диалога Аристотеля «О справедливости», а рядом – та же фраза, но измененная так, чтобы у колонов были одинаковые окончания. На этом примере Деметрий хочет показать, что в оригинальном тексте чувства печали и скорби передаются лучше, чем в измененном варианте.

Естественно, что *metathesis* получил распространение не только в теории риторики, но и в практике обучения красноречию. Так, например, у Цицерона Красс рассказывает об одном из своих юношеских упражнений в красноречии, которое заключалось в том, чтобы повторить какие-

нибудь из прочитанных стихов или речей, изменяя слова и выражения оригинала (De oratore, I.154). Впоследствии Красс приходит к выводу о бесполезности и даже вредности этого упражнения для начинающего оратора.

В целом прием *metathesis* можно рассматривать как один из вариантов применения парафразы, а это упражнение наряду с составлением фиктивных речей было очень распространено в риторическом обучении. Так, например, Элий Теон, писавший о различных приемах для обучения ораторскому искусству, понимал под парафразой изменение формы выражения при сохранении смысла высказывания и одним из видов парафразы считал изменение синтаксического построения исходной фразы¹.

В корпусе риторических сочинений Дионисия примеры с *metathesis* встречаются более 20 раз, особенно много их находим в эссе о Демосфене и Фукидиде, а также в трактате «О соединении слов». Отметим, что прием *metathesis* Дионисий применяет и к поэтическим, и к прозаическим текстам, между которыми, по его мнению, нет непреодолимой границы. В цитатах из поэзии Дионисий меняет размер, а в прозе чаще всего – порядок слов.

Голландский филолог Casper C. de Jonge предлагает условно разделить примеры с *metathesis* на три группы в соответствии с функцией, которую выполняет *metathesis*². Мы не будем подробно анализировать все случаи с *metathesis*, но рассмотрим по одному примеру из каждой группы, чтобы получить некоторое представление об эстетических взглядах Дионисия, обращая особое внимание на изменение порядка слов или в более широком смысле на изменение синтаксической структуры фразы.

К первой группе, выделяемой de Jonge, относятся такие случаи, где с помощью приема *metathesis* Дионисий указывает на недостатки оригинала и предлагает вариант исправления. Например, начало истории Фукидида, где говорится о бедственном положении Эллады в древние времена и о причинах такого состояния:

Thuc. 1.2.2.	D.H. Amm. 2 15.
<p>“τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης, οὐδὲ ἐπιμινύντες ἀδεῶς ἀλλήλοις οὔτε κατὰ γῆν οὔτε διὰ θαλάσσης, νεμόμενοί τε τὰ αὐτῶν ἕκαστοι ὅσον ἀποζῆν καὶ περιουσίαν χρημάτων οὐκ ἔχοντες, οὔτε γῆν φυτεύοντες, ἀδηλον ὃν πότε τις ἐπελθὼν καὶ ἄμ’ ἀτειχίστων ὄντων ἄλλος ἀφαιρήσεται: τῆς τε ἀναγκαίου τροφῆς πανταχοῦ ἂν ὁμοίως ἐπικρατήσῃν οἰόμενοι οὐ χαλεπῶς ἀνίσταντο”</p>	<p>“τῆς γὰρ ἐμπορίας οὐκ οὔσης, οὐδ’ ἐπιμινύντες ἀδεῶς ἀλλήλοις οὔτε κατὰ γῆν οὔτε κατὰ θάλασσαν, νεμόμενοι δὲ τὰ ἑαυτῶν ἕκαστοι ὅσον ἀποζῆν οὐ χαλεπῶς ἀνίσταντο.”</p>

Дионисий, как и другие до него, критикует стиль Фукидида за темноту и неясность. В данном случае он предлагает упростить довольно тяжелую структуру оригинального текста, чтобы сделать основную мысль предложения нагляднее (*φανερωτέραν ἂν ἐποίει τὴν διάνοιαν*). Стремления Дионисия к ясности мысли обычно связывают с понятием *σαφήνεια* в концепции Аристотеля³.

В своем варианте Дионисий оставляет только то, что необходимо и, по его мнению, достаточно для понимания сути дела, он отбрасывает большинство уточняющих обстоятельств, то есть почти все детерминанты, чтобы обратить внимание на предикат, а сам период сделать короче и легче.

¹ Jonge, 2008, с. 383-384

² Jonge, 2008, с. 374-389 (7.3.1., 7.3.2, 7.3.3)

³ Jonge, 2008, с. 253

Если мы обратимся к более широкому контексту, станет ясно, что главная мысль предыдущего предложения у Фукидида состояла в том, что народы, населяющие Элладу, постоянно перемещались, покидали свои земли: «φαίνεται γὰρ ἡ νῦν Ἑλλάς καλουμένη οὐ πάλαι βεβαίως οἰκουμένη, ἀλλὰ μεταναστάσεις τε οὔσαι τὰ πρότερα καὶ ῥαδίως ἕκαστοι τὴν ἑαυτῶν ἀπολείποντες βιαζόμενοι ὑπὸ τινῶν αἰεὶ πλειόνων»⁴. В таком случае вполне логично, что в следующем предложении, где говорится о причинах того, почему миграция не представляла для греков трудности, смысл предиката не должен затемняться все новыми и, по мнению Дионисия, избыточными уточнениями.

Ко второй группе относятся такие примеры, где применение metathesis обнаруживает достоинства исходного текста, которые могли быть не столь очевидны на первый взгляд. Например, фраза из речи платейцев перед спартанцами у Фукидида:

Thuc. 3.57.4.	D.H. Comp. 7
‘ὕμεῖς τε ᾧ Λακεδαιμόνιοι ἡ μόνη ἐλπίς, <u>δέδιμεν μὴ οὐ βέβαιοι ἦτε.</u> ’	‘ὕμεῖς τε, ᾧ Λακεδαιμόνιοι, <u>δέδιμεν μὴ οὐ βέβαιοι ἦτε</u> , ἡ μόνη ἐλπίς.’

Несмотря на весьма критическое отношение Дионисия к Фукидиду, здесь он хвалит его порядок слов и подчеркивает, что если бы синтаксис был другим, предложение лишилось бы своей приятности и силы («ἄρ’ ἔτι μένει τοῦτον τὸν τρόπον ἡρμοσμένων τῶν κώλων ἢ αὐτὴ χάρις ἢ τὸ αὐτὸ πάθος; οὐδεὶς ἂν εἴποι»).⁵

Одним из главных достоинств текста Дионисий считает соответствие природе (φύσις или φυσικόν) и, к примеру, стиль Лисия он хвалит именно за его естественность («πολύ τό φυσικόν ἐπιφαίνουσα»⁵). Соединение слов, по мнению Дионисия, должно соответствовать природе, однако он не пишет прямо, какое соединение нужно считать естественным, а старается показать это на различных примерах.

В трактате «О соединении слов» Дионисий рассуждает о «естественном» порядке слов⁶. Например, он предполагает, что согласно природе существительные должны стоять перед глаголами, потому что имена показывают сущность, а глаголы – состояния, а сущность всегда предшествует состоянию, и далее в том же роде. Принципы порядка слов, которые становятся отправной точкой в рассуждениях Дионисия, отчасти связаны с разработкой категорий у стоиков и их взглядами на правила построения высказывания⁷.

Далее Дионисий подробно разбирает примеры из Гомера, в результате чего приходит к выводу, что такое понимание «естественного» порядка слов, хотя и соответствует природе вещей, но не подходит для ораторского искусства⁸. Несмотря на то, что сущности предшествуют состояниям, можно добиться хорошего результата, и если поставить глагол перед существительным. Дионисий подчеркивает, что такие фразы, как «μῆνιν ἄειδε θεὰ» и «κλυθίμεν αἰγιόχοιο Διὸς τέκος Ἀτρυτώνη», несмотря на их разную синтаксическую структуру (существительное перед глаголом и существительное после глагола), одинаково удачны.

Вернемся к примеру из Фукидида. Как нам кажется, можно сказать, хотя и с большой осторожностью пользуясь современной терминологией, что для Дионисия значение имеет не столько формальная структура предложения, сколько коммуникативный аспект высказывания.

Выражение ἡ μόνη ἐλπίς по смыслу относится к обращению ᾧ Λακεδαιμόνιοι, поэтому, конечно же, и с точки зрения логики должно стоять рядом с тем словом, к которому относится,

⁴ Thuc. 1.2.1

⁵ D.H.Lys.10

⁶ D.H. Comp 5-6

⁷ Jonge, 2008, с. 274-280

⁸ D.H. Comp 5 : «πάντα δὲ ταῦτα διεσάλευεν ἡ πείρα καὶ τοῦ μηδενὸς ἄξια ἀπέφαίνε. τοτὲ μὲν γὰρ ἐκ τούτων ἐγίνετο καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῖς ἡδεῖα ἢ σύνθεσις καὶ καλή, τοτὲ δ’ ἐκ τῶν μὴ τοιούτων ἀλλ’ ἐναντίων. διὰ ταύτας μὲν δὴ τὰς αἰτίας τῆς τοιαύτης θεωρίας ἀπέστην.»

однако более существенным представляется то, что такое положение словосочетания ἡ μόνη ἐλπίς позволяет более точно передать смысл высказывания.

Рассмотрим эту фразу в более широком контексте. Платейцы, не выдержав долгой осады, сдались спартамцам и ожидают решения своей участи. Спартамцы пообещали устроить над платейцами суд и предложили им высказаться в свою защиту. От этой речи зависит судьба всего города и его жителей, но какие аргументы могут привести в свою защиту платейцы, которые были врагами спартамцев? Платейцы говорят о том, что они всегда защищали общеэллинские интересы, порою сражались плечом к плечу со спартамцами, то есть были союзниками Лакедемона, а сейчас они покинуты своими прежними друзьями и могут надеяться только на справедливость спартамцев. Таким образом, в данном случае выражение ἡ μόνη ἐλπίς относится к фокусу предложения, потому что здесь важно передать крайнюю степень отчаяния платейцев, которые уже не полагаются на друзей, но могут надеяться только на справедливость врагов: «...καὶ οὐτε τῶν τότε ξυμμάχων ὠφελεῖ οὐδεὶς, ὑμεῖς τε, ὧ Λακεδαίμονιοι, ἡ μόνη ἐλπίς, δέδιμεν μὴ οὐ βέβαιοι ᾗτε»⁹.

Из других работ Дионисия ясно, что под «естественностью» он понимает точное соответствие замысла его выражению: «βούλεται δὲ ἡ φύσις τοῖς νοήμασιν ἔπεσθαι τὴν λέξιν, οὐ τῇ λέξει τὰ νοήματα»¹⁰. Дионисий подчеркивает, что при сильных аффектах, например, при гневе или страдании, «соединение слов» должно оставлять впечатление естественности, безыскусности, в то время как слишком явная риторическая отделка только портит текст. Такой взгляд вполне согласуется как с приверженностью Дионисия строгому аттическому красноречию, так и с его представлениями о задачах риторики: главная задача текста, по его мнению, – волновать читателя или слушателя, вызывать у них именно те чувства, которые они и должны испытывать в связи с описываемой ситуацией. Так, например, Дионисий хвалит речи Лисия за убедительное изображение характера говорящего и его чувств (искусство этопеи), что в конечном итоге и определяет успех судебного дела¹¹.

Итак, создается впечатление, что выражение Фукидида лучше потому, что хорошо передает важность момента и силу переживаний («ἔστι δὴ τις παρὰ τῷ Θουκυδίδῃ λέξις... μεστὴ πάθους»¹²), тогда как измененный вариант, который предложил Дионисий, не производит надлежащего впечатления.

Наконец, к третьей группе относятся случаи, когда metathesis демонстрирует альтернативный вариант текста, отличающийся от оригинала в первую очередь стилистически. Как наиболее интересный случай из этой группы можем рассмотреть следующий пример из трактата «О соединении слов»:

Hdt. 1.6. (в D.H. Comp. 4. изменен только диалект)	D.H. Comp. 4. (в стиле Фукидида)	D.H. Comp. 4. (в стиле Гегесия)
Ἰκροῖος ἦν Λυδὸς μὲν γένος, παῖς δ' Ἀλυάττου, τύραννος δ' ἐθνῶν τῶν ἐντὸς Ἄλυσ ποταμοῦ: ὃς ῥέων ἀπὸ μεσημβρίας μεταξὺ Σύρων τε καὶ Παφλαγόνων ἐξίησι πρὸς βορέαν ἄνεμον εἰς τὸν Εὐξείνιον καλούμενον πόντον'	Ἰκροῖος ἦν υἱὸς μὲν Ἀλυάττου, γένος δὲ Λυδός, τύραννος δὲ τῶν ἐντὸς Ἄλυσ ποταμοῦ ἐθνῶν: ὃς ἀπὸ μεσημβρίας ῥέων μεταξὺ Σύρων καὶ Παφλαγόνων εἰς τὸν Εὐξείνιον καλούμενον πόντον ἐκδίδωσι πρὸς βορέαν ἄνεμον.'	Ἄλυάττου μὲν υἱὸς ἦν Ἰκροῖος, γένος δὲ Λυδός, τῶν δ' ἐντὸς Ἄλυσ ποταμοῦ τύραννος ἐθνῶν: ὃς ἀπὸ μεσημβρίας ῥέων μεταξὺ πρὸς βορέαν ἐξίησιν ἄνεμον εἰς τὸν καλούμενον πόντον Εὐξείνιον'

⁹ Thuc. 3.57.4.

¹⁰ D.H. Isoc. 12

¹¹ D.H. Lys. 7-8

¹² D.H. Comp 7

Здесь Дионисий хвалит предложение Геродота, однако приводит цитату из него, пользуясь аттическим диалектом, чтобы не показалось, будто бы соединение слов стало приятным только из-за ионийского диалекта («ἵνα δὲ μὴ τις ὑπολάβῃ τὴν διάλεκτον εἶναι τῆς ἡδονῆς αἰτίαν τῇ λέξει, μεταθεὶς αὐτῆς τὸν χαρακτῆρα εἰς τὴν Ἀτθίδα γλῶτταν...»¹³). Здесь следует отметить, что эвфония имеет большое значение для концепции Дионисия и неизменно фигурирует как положительное свойство текста, однако в данном случае он предлагает читателю отвлечься от этой характеристики оригинала.

Переписав Геродота на аттический манер, Дионисий предлагает два других возможных варианта соединения, один из которых, по его мнению, более всего соответствует стилю Фукидида («οὗτος ὁ χαρακτήρ οὐ πολὺ ἀπέχειν ἂν δόξειεν τῶν Θουκυδίδου τούτων...»), а второй – Гегисия («Ἡγησιακὸν τὸ σχῆμα τοῦτο τῆς συνθέσεως»). При этом если вариант в стиле Фукидида считается приемлемым, хотя он и уступает оригиналу Геродота, то вариант в духе Гегисия, и вовсе лишен, по мнению Дионисия, каких-либо достоинств. Стиль Гегисия он называет «μικρόκομψον» (изошренный), «ἀγεννές» (низкий), «μαλθακόν» (рыхлый)¹⁴.

Словоупотребление в данном случае не совсем обычное. Так, слово μικρόκομψον является гапаксом как для языка в целом, так и для Дионисия, у которого оно встречается только один раз. Более употребительным словом для характеристики текста кажется μαλθακόν, однако μαλθακόν часто фигурирует как положительная характеристика, например, у Пиндара, в то же время Дионисий явно использует этот эпитет в отрицательном смысле, что может объясняться как сдвигом в значении слова, так и особенностями авторского словоупотребления.

На примере трех вариантов одного предложения Дионисий хочет подтвердить свою мысль о том, что именно «соединение слов», а не диалект или выбор лексики отличает стили разных авторов. Он считает перестановку слов для данного предложения существенной и вполне однозначно указывает на то, какой вариант лучше, а какой хуже, тем не менее он не объясняет, что именно в этом случае является достоинствами, а что недостатками, поэтому природа его оценок и подходов к тексту очевидно нуждается в детальной разработке и дальнейшем исследовании.

На данный момент мы можем отметить лишь некоторые очевидные особенности порядка слов, которые, как нам представляется, могли быть существенны и для Дионисия. Оригинальное предложение Геродота отличается от двух других следующим:

а) структура предложения соответствует смыслу, который хотят выразить

ср. Κροῖσος ἦν Λυδὸς μὲν γένος и Ἀλυάττου μὲν υἱὸς ἦν ροῖσος

В первом случае Κροῖσος является топиком высказывания¹⁵, то есть это то, относительно чего высказывается предикация, можно задать вопрос: «О ком будет говориться в тексте?»; а ἦν Λυδὸς μὲν γένος – фокус высказывания, то есть некая новая информация, которую нужно сообщить.

Во втором случае топиком высказывания является Ἀλυάττου μὲν υἱὸς ἦν, а фокусом - Κροῖσος, то есть подразумевается, что речь пойдет о сыне Алиатта, которого звали Крез. Такое построение совершенно не согласуется с тем, что «сын Алиатта» – одна из нескольких характеристик Креза, а далее нужно будет упомянуть и его имя, и происхождение, и статус.

б) зависимые элементы следуют сразу после главного слова и не отделяются от него другими словами

ср. τύραννος δ' ἐθνῶν τῶν ἐντὸς Ἄλως ποταμοῦ и τύραννος δὲ τῶν ἐντὸς Ἄλως ποταμοῦ ἐθνῶν

¹³ D.H. Comp 3

¹⁴ «...мелочно-изысканное, дешевое, расслабленное...» («Античные риторика», 1978, перевод М.Л. Гаспарова)

¹⁵ Dik, 1995, с. 26

В первом случае подчинительные связи оформлены последовательно:

τύραννος → ἔθνῶν → τῶν ἐντὸς Ἄλως ποταμοῦ.

Во втором примере между главным словом (τύραννος) и зависимым (τῶν ἔθνῶν) стоит словосочетание (ἐντὸς Ἄλως ποταμοῦ), которое прямо от первого главного не зависит.

Те же наблюдения можно сформулировать в терминах проективности/непроективности. Синтаксическую структуру можно считать проективной, если стрелки зависимостей, проведенные по одну сторону прямой, не пересекаются между собой, и ни одна из стрелок не обрамляет другую. В самом упрощенном виде проективность можно понимать так: «слова, близкие друг к другу синтаксически, должны быть близки и по положению в тексте»¹⁶. Таким образом, получается, что в первом случае словосочетание проективное, а во втором непроективное. Отмечается, что непроективность в прозаическом языке обычно маркирована, то есть выражает некую дополнительную информацию¹⁷.

в) структура предложения в какой-то мере отражает «действительность»:

ср. ὃς ῥέων ἀπὸ μεσημβρίας μεταξὺ Σύρων τε καὶ Παφλαγόνων ἐξίησι πρὸς βορέαν ἄνεμον εἰς τὸν Εὐξεινον καλούμενον πόντον и

ὃς ἀπὸ μεσημβρίας ῥέων μεταξὺ Σύρων καὶ Παφλαγόνων εἰς τὸν Εὐξεινον καλούμενον πόντον ἐκδίδωσι πρὸς βορέαν ἄνεμον.

В действительности река течет с юга через Сирию и Пафлагонию и впадает на севере в Понт Евксинский, то есть более логичным представляется, что предложение должно начинаться с того откуда река течет, а заканчиваться тем, куда река впадает, поэтому порядок слов в первом варианте представляется более предпочтительным.

г) не допускаются грамматические нарушения в порядке слов

ср. μεταξὺ Σύρων τε καὶ Παφλαγόνων и Σύρων τε καὶ Παφλαγόνων μεταξὺ

Во втором случае предлог μεταξὺ употреблен постпозитивно, что противоречит общим грамматическим правилам, так как постпозитивное употребление μεταξὺ возможно только в поэзии.

Выводы

1) Традиционный прием metathesis, широко распространенный в теории и практике античного красноречия, Дионисий часто применяет как на материале поэзии, так и на материале прозы, при чем в последнем случае чаще всего изменению подвергается структура фразы.

2) Дионисий изменяет структуру фразы, чтобы прояснить интенцию исходного текста, и это, как нам кажется, показывает, что он видит в приеме metathesis средство для наиболее точной передачи смысла и эмоциональной окраски высказывания, что вполне соответствует задачам аттического красноречия, приверженцем которого был Дионисий.

3) Также Дионисий пользуется примерами с metathesis как риторическими аргументами, которые подтверждают важную для него мысль о том, что решающее значение для литературного произведения имеет не столько выбор тех или иных слов, сколько их правильное «соединение».

¹⁶ Тестелец, 2001, с. 96

¹⁷ Тестелец, 2001, с. 98

4) К соединению слов Дионисий относит все вопросы, связанные с построением текста, в частности, например, размер и ритм в стихах и в прозе, тропы и фигуры, использование дублетных грамматических форм, создание эвфонии и многое другое. Для соединения слов естественно важен порядок слов в словосочетаниях и предложениях или в более широком смысле синтаксис фразы. Некоторые из примеров с *metathesis* показывают, что для Дионисия синтаксис имеет не только формальное значение, но и значение с точки зрения прагматики текста и его коммуникативного аспекта.

5) В наблюдениях за языком и стилем того или иного автора, которые делает Дионисий, порядок слов является существенным критерием положительной или отрицательной оценки. Следовательно, мы можем говорить о том, что Дионисий не только постулирует важность хорошего синтаксиса для текста, но и пользуется синтаксическим критерием на практике, когда дает оценку авторскому стилю.

6) Кроме того, примеры с *metathesis* позволяют Дионисию показать достоинства и недостатки текста, а в некоторых случаях предложить свои варианты исправления ошибок. Здесь мы можем видеть, как примеры с *metathesis* используются в дидактических целях. О дидактической направленности работ Дионисия свидетельствует, к примеру, трактат «О соединении слов», который начинается с напутственной речи автора своему ученику, только начинающему изучать риторiku. Во многих своих работах Дионисий явно стремится не только оценить стилистическую точность и полноту выражения смысла у того или иного автора, но и дать своим читателям ряд практических советов, которые могли бы им помочь в создании новых текстов.

Литература

1. Dionysius of Halicarnassus: The critical essays. 2 vols // Usher, S. Cambridge, MA, and London: Harvard Univ. Press. 1974–1985
2. Between Grammar and Rhetoric: Dionysius of Halicarnassus on Language, Linguistics and Literature // Jonge, Casper Constantijn de. Leiden: Brill. 2008
3. Word order in Ancient Greek: A Pragmatic Account of Word Order Variation in Herodotus// Dik, Helma: J.C. Gieben, Publischer. Amsterdam. 1995
4. Античные риторики// под ред. А.А.Тахо-Годи: М., Изд-во Моск. ун-та. 1978
5. Введение в общий синтаксис// Я. Г. Тестелец: М., РГГУ. 2001